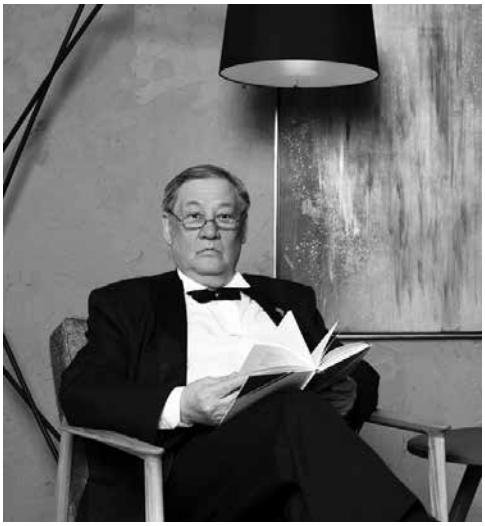
МАНОВЕНИЕ ПОЭЗИИ ЖАНА БАХЫТА

В Казахстане Бахытжанов полно, да и поэтов тоже. А вот Жан Бахыт – такой один. Его имя давно стало нарицательным и ассоциируется с одним человеком – выдающимся поэтом Жаном Бахытом Канапьяновым. О его биографии, заслугах и творчестве написано множество статей и рецензий, защищено немало диссертаций. Я же в своем эссе хочу рассказать о личном восприятии его классических стихов и поэтической прозы, о том, как волшебным образом строки его стихотворений заманивают меня в необъятные просторы страны Поэзии, которую он создал благодаря своему таланту и безграничной вере в силу Слова.

Бахытжан как-то сказал: «Есть Судьба поэта и есть поэт Судьбы». Я тогда не поленился и попытался раскодировать эту формулу. Судьба поэта – жизненный и творческий путь художника слова, который нередко оказывается сложным, драматическим или трагическим. А поэт Судьбы – человек, для которого поэзия становится не просто ремеслом или увлечением, а призванием. Не человек выбирает поэзию – поэзия выбирает его. Дар становится главной сутью его жизни. Поэт чувствует внутренний долг говорить правду, выражать через слово то, что волнует его самого и его современников.

Бахытжан написал на эту тему знаковое стихотворение:

Судьба поэта – Божий знак.
Стихи его – под взглядом неба.
И почву разрывает злак,
И вкусен черный ломоть хлеба.

«Сквозь землю прорывался злак…» – величайшая строка. Поэту порой достаточно одной строки, чтобы зацепиться за время. Эта строка – начало известного стихотворения поэта Арсения Тарковского. Полный текст его четверостишия звучит так:

Сквозь землю прорывался злак,
И куст вставал, как вещий знак,
И слово обретало плоть,
И милосердствовал Господь.

Пробивающийся сквозь землю злак и растущий куст здесь становятся символами непреодолимой силы природы, обновления и возрождения. Строка *«И слово обретало плоть»* – образ, отсылающий к библейским мотивам о сотворении мира и созидательной силе слова. Природа, язык и божественное начало соединяются единую в картину мироздания.

В 2002 году Бахытжан подарил мне свою книгу стихов. В ней была фотография, на которой мы с Бэллой Ахмадулиной запечатлены вместе. После этого я написал ему посвящение:

Мастеру

Мне мастер труд свой подарил,
На титуле его автограф,
Он с Бэллой нас запечатлил,
Как гениальнейший фотограф.

Я жадно к томику приник,
Взахлёб страницы я читаю,
И понял, в этот чудный миг,
Поэта мудрость постигаю:

«Сквозь землю прорывался злак,
И сладок ржаный запах хлеба.
Слова не сложишь просто так,
Каким бы гением ты не был.

Не в рифме дело, не в строфе,
А в мироощущенье странном
И в одиночестве…»
В кафе
Пью кофе с мягким круассаном.

В тот год под его руководством были созданы два альманаха. Первый – «Литературная Азия», второй – «Литературная Алма-Ата», который и сегодня радует алмаатинцев произведениями талантливых горожан. Первым редактором альманаха стал Бахытжан Канапьянов, и именно в первом номере были собраны стихи, рассказы, статьи о нашем удивительном городе, написанные в разные годы на всем пространстве необъятного Союза.

Удивительна трудоспособность Мастера Слова. Его первая книга стихов – «Ночная прохлада» – вышла в 1977 году. Спустя почти пятьдесят лет увидела свет книга новых стихов «Тасбих», выпущенная в серии «Библиотека “Простора”». В ней словно на четках нанизаны бусины всех его замечательных книг, которых за десятилетия накопилось множество и которые издавались на разных языках мира.

Здесь мне хотелось бы остановиться на его короткой прозе. Особенно запала в душу повесть «Светлячки» – лирическое произведение о любви двух подростков из далекого Куала-Лумпура: мужественного Кемала и нежной Лэчан. Светлячки здесь становятся символом внутреннего состояния человека, его способности дарить свет и тепло даже в самые трудные времена. Текст настолько поэтичен, что читается на одном дыхании.

Бахытжан – ученик великого Олжаса. Но Мэтр – поэт-трибун, а Жан Бахыт в своих стихах более лиричен, мягок, и проза его по сравнению с монументальной прозой учителя – более мелодична и певуча.

Я всегда считал и считаю Бахытжана своим Сэнсэем. С того самого момента, когда он, поверив в меня, напечатал в «Литературной газете» (Москва) мое первое стихотворение «Серебряный век», а потом издал мой первый сборник стихов «Солнца светлого сияние». Правда, одно четверостишие он оттуда удалил. Я долгое время считал его своим:

Какая этой ночью тишь.
Укрыто небо звёздной данью.
И в этот миг встаёшь и говоришь
Векам, истории и мирозданью…

– Братишка, Маяковский написал лучше, – сказал Сэнсэй. Мы потом долго смеялись над этим.

Намного позже я понял, что такое Поэт Судьбы. Именно таким мне и видится Жан Бахыт. Его поэзия совершенна, проза – безупречна. И закончить это эссе хочется моим любимым стихотворением Мастера.

* * *

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу,
Как будто бы мелочь в кармане,
Случайно найду я строку.
И, вторя, ей горная речка
Веселую пару найдет
У мостика возле местечка,
Где речка дает поворот.
Строфою рождается образ
И птицею бьётся в строфе.
И эта вся горная область
Поэзией выйдет к тропе.
И – облаком дышит в долине,
Где к осени греет костёр.
И – холодом веет к вершине,
Где беркут крыла распростёр.
На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу
Нас мир окружающий манит
И следом рождает строку.
А я ничего не умею,
А я ничего не хочу.
А я перед этим немею
И не зажигаю свечу.
Я просто пишу стенограмму,
И авторство мне ни к чему,
Но путь мой к небесному храму
Не повторить никому.

Фархат ТАМЕНДАРОВ,
секретарь Союза писателей Казахстана,
главный редактор журнала «Простор»

